

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 0.70 pf. (6 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 8 (364)
16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Апреля 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: “Bâtiment 11”

СОДЕРЖАНИЕ

Майское воззвание РСИ.
Ф. Дан. Советская демократизация и задачи социалдемократии.
Р. Абрамович. Очередная задача.
А. Югов. Экономические заметки.
Партийная трибуна: П. Гарви. Об'единительное движение и русская проблема.
В Социалистическом Интернационале Молодежи.
Заграничной: Германская социалдемократия в подполье. Рас-
фельетон: Р. Гарсиа Санчес. Фашизм,

права с рабочей молодежью в Латвии. — Восстановление единства австралийского рабочего движения. — Рабочее движение в Британской Гвиане.
По России: Боязнь войны. — Ослабление пораженческих настроений. — Попытки замирения с населением. — Изстроения крестьянства. — Надежды на углубление новой политики в деревне. — На рынке продовольствия. — Недостаток текстиля. — Накануне нового повышения цен.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.
капитализм и социализм в Испании.

Майское воззвание РСИ

РАБОЧИЕ, СОЦИАЛИСТЫ ВСЕХ СТРАН!

Вы готовитесь к майскому празднику труда, свободы и мира в момент, когда в Африке ядовитые газы и бомбы уничтожают человеческие жизни, когда японский империализм грозно поднимает свою голову, и когда в Европе все нарастает опасность нового военного пожара.
Кровавой истиной становится то, что всегда говорил мировой социализм: «Фашизм — это война!»
Итальянский фашизм, приведший свою страну на край пропасти, ищет выхода в смертоносной завоевательной войне. Германский фашизм принимает все более настойчиво подготовительные меры, которые позволяют ему осуществить его завоевательные планы. Он разрывает один договор за другим. Противное договорам введение германских войск в рейнскую область грозит стать началом грандиозного наступления германского фашизма, способного поджечь Европу. Даже слабосильный австрийский фашизм позволяет себе, по приказу своего итальянского покровителя, нарушать договоры и провозгласить Европу.
Лишь крайнее напряжение всех сил мирового пролетариата, всех тех, кто хочет свободы и мира, может еще спасти мир. Лишь осуществление коллективной безопасности, противостоящее нападающему превосходящую его по силе коалицию, может предотвратить грозящее нападение. Но социалисты, подлинные друзья мира во всех странах, знают, что империалистические и

капиталистические интересы буржуазных правительств никогда не позволят этим правительствам осуществить коллективную безопасность в полной мере; что даже ужасы, творимые итальянским фашизмом в Восточной Африке, не могли побудить их к решительным действиям. Лишь беспощадной борьбой против воинствующего фашизма может быть предотвращена военная опасность, лишь низвержение фашизма обеспечит прочный мир! Борьба за мир неотделима от борьбы за свободу.

Поэтому наш первый привет в праздник труда — героическим нелегальным борцам против войны, за свободу и социализм во всех странах фашистских диктатур!

Поэтому шлем мы привет рабочим Испании, сокрушившим в своей стране клерико-фашизм и завоевавшим свободу для героев октябрьского восстания!

Наиболее действительная помощь, которую социалисты стран демократии могут оказать своим товарищам по борьбе в странах фашизма, заключается в победоносном сопротивлении их своему собственному фашизму. Поражение фашизма в любой стране является поражением всего мирового фашизма.

Демократия лишь в том случае может успешно сопротивляться фашистской опасности, если она достаточно сильна и достаточно решительна, чтобы вывести трудящиеся массы из бедствий кризиса. Борьба против капиталистического кризиса является одновременно борьбой про-

тив фашистской опасности. Но социалисты знают, что лишь смелыми, решающими мероприятиями можно ослабить кризис, что лишь построение социалистического хозяйства в международном масштабе может навсегда положить конец кризису. Они знают, что в силу своих классовых интересов буржуазия никогда не пойдет на решительные меры в борьбе с кризисом. Борьба против кризиса значит бороться одновременно за строительство социализма!

Мощно двигающиеся вперед социалисты скандинавских стран показали, как используют социалисты политическую власть в рамках демократии для борьбы против кризиса. Их пример служит ободрением для рабочих всех стран.

Рабочая партия Великобритании показала свою внушительную силу на ноябрьских выборах 1935 г. и с удвоенной энергией борется за власть.

Рабочие Франции находятся сейчас в самом разгаре борьбы против капиталистической реакции и фашизма.

Рабочие Бельгии идут в избирательную борьбу под знаком продолжения и дальнейшего развития политической направленной на борьбу с кризисом. Их успехи в ближайших избирательных битвах могут иметь решающее значение для судеб Европы.

Поэтому мы шлем привет социалистам Бельгии, Франции, наши горячие симпатии сопровождают их борьбу!

Мы зовем рабочих, социалистов всех стран, мужчин и женщин сплотиться в день первого мая под нашими знаменами.

Наш призыв обращен к трудящейся молодежи: она стоит в первом ряду жертв войны и кризиса, поэтому ей же подобает быть в первом ряду борцов за освобождение человечества.

Да здравствуют свобода и мир!
Да здравствует международный социализм!

Бюро Рабочего Социалистического Интернационала.

Советская демократизация и задачи социалдемократии

К концу года Советский Союз получит «самую демократическую конституцию из всех существующих в мире». Так обещал Сталин в своем известном интервью от 1 марта (см. «Правда», 5 марта).

Вряд ли есть надобность еще раз подробно говорить о том, каков должен быть, по намерениям его творцов, «самый демократический строй в мире» («Правда», 10 марта) — в условиях непоколебленной террористической диктатуры, да еще диктатуры, все более вырождающейся в единодержавие. Правда, Сталин обещает, что «избирательные списки на выборах будет составлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни». Но, так как эти «сотни» существуют лишь постольку, поскольку их существование допускает диктаторствующая верхушка и поскольку они действуют в духе, диктуемом той же верхушкой, то дело и в данном случае сводится все к той же избирательной монополии коммунистической партии или, точнее, как показывают хотя бы «выборы» на съезды этой партии, к монополии ее всемогущего генерального секретаря. Отсюда логически вытекают и указанные Сталиным максимальные пределы «свободы выбора», предоставляемой избирателям, как и тех задач, осуществления которых они могут посредством этой «свободы» добиваться. Свобода выбора будет ограничена списками тех партийных и «беспартийных» большевиков, кандидатуры которых, все одинаково, будут предложены избирателям Сталиным через посредство беспрекословно послушного ему партийного аппарата. «Весьма оживленная избирательная борьба» будет замкнута в пределы оценки деловой работы «местных органов власти». В лучшем случае реформа, по мысли ее авторов, должна дать избирателю возможность «подтянуть все учреждения и организации, заставить их улучшить свою работу», послужить «хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». Критике организации и даже персонального состава самой власти в избирательной борьбе места не будет. Изменения этой организации и этого состава (кроме, разумеется, тех, которые будут предложены самой диктаторствующей верхушкой!) избиратель должен заранее исключить из числа тех задач, которые он может разрешить подачей избирательного бюллетеня. В этом — отличие проектируемой «самой совершенной» демократической системы от менее совершенных образ-

цов ее, существующих в грешном мире. И в этом же ее сходство с той системой, которая и до сих пор прменялась на всех советских и партийных выборах: результаты которой достаточно известны. Вряд ли надо напоминать, что в обстановке, в которой и само понятие о том, какая работа «плоха» и какая «хороша» заранее устанавливается сверху и в которой всякое инициативное и по вопросам такого рода, как темпы строительства, методы коллективизации, ударничество, стхановщина и т. п., легко превращаются в подлежащую истреблению крамолу, — вряд ли надо напоминать, в такой обстановке и «чисто деловой» критике работы «органов власти» будут поставлены весьма узкие пределы...

Как бы то ни было, интервью Сталина не оставляет ни малейшего сомнения насчет основного смысла заманной им реформы: из «оживленной избирательной борьбы» должна быть начисто вытравлена всякая «политика». Поэтому «однопартийность» остается верхним законом и «самой демократической системы в мире». Но именно там, где Сталин и вторящий ему Молотов («Правда», 24 марта) стараются объяснить своим иностранным собеседникам и оправдать перед ними странную однопартийную механику выборов, их объяснения превращаются в жалкую софистику, и шило противоречий явно дырявит мешок их красноречивой гугентации.

Конечно, в развернутом коммунистическом обществе «политике» не будет места: «управление людьми» сводится к управлению вещами. Но и в этом случае необходимо сделать оговорку: чистое «управление вещами» (а потому и исчезновение государства, как системы «управления людьми») станет возможно лишь постольку, поскольку коммунистическое общество будет изолированным островом, окруженным со всех сторон морем общественных образований, построенных на основах классовых антагонизмов, иначе «политика» будет неизбежно врываться с границ этого общества внутрь его: «внешняя политика» (а кто не видит, как решающую роль играет она сейчас для всех судеб Советского Союза?) находит свое неизбежное отражение и дополнение в политике «внутренней», и потому полное торжество коммунизма «в одной стране» осуществить «политику» в этой стране не может. И потому как бы «совершенен» ни был демократический строй такой стране, этот строй на деле будет лишать гра-

дан-избирателей всякой возможности активно участвовать в определении судеб этой страны, если заранее исключит «политику» из «оживленной избирательной борьбы».

Но ни Сталину, ни Молотову и в голову не приходит утверждать, что в Советском Союзе уже построено коммунистическое общество, в котором «люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а сообразно их потребностям». Наоборот, Сталин прямо говорит, что и «социалистическая организация» общества, в которой «еще имеется некоторое имущественное неравенство», «еще не вполне построена». А Молотов прибавляет, что, хотя «силы, противодействующие» завершению социалистического строительства, «делаются все слабее», но что в то же время силы эти «хватаются за крайние меры», вследствие чего «советская власть, разумеется, должна быть сильной». Мы не станем разбирать по существу все эти утверждения и силлогизмы (или, вернее, софизмы), которыми Сталин и Молотов оправдывают увековечение системы террора. Довольно подчеркнуть, что, по их собственному признанию, пора «отмирания» государства, этой организованной системы «управления людьми», т. е. «политики», не только не наступила в Советском Союзе, но, наоборот, государство это, в лице возглавляющего его правительства, должно быть «сильным». И если, при наличии «сильного» государства, гражданам этого государства отказывают в праве самостоятельной политической ориентации, то это значит, что «политика» не упраздняется, а лишь объявляется монополией правительства; что на деле, вопреки якобы - ответственности (и сейчас существующей по советской конституции!) этого правительства перед будущим «народным представительством», имеется в виду сохранить диктаторский характер этого правительства, т. е. характер, при котором

не оно «ответственно» перед избранниками граждан, а, наоборот, эти избранники «ответственны» перед ним; что и «самые совершенные» формы советской демократии не должны, по мысли реформаторов, менять ее плебисцитарного существа, т. е. не должны давать гражданам других политических прав, кроме права кричать «ура» политике диктатуры.

Образцы такой «демократии» и такого рода «всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права» в наш век диктатур достаточно разнообразны и «усовершенствованы», чтобы надо было дольше останавливаться на этом. Но, помимо субъективных намерений диктаторов, существуют объективные факторы действительности, существенно меняющие и условия, в которых эти намерения могут проводиться в жизнь, и результаты, которые их проведение может дать.

Гитлер, через три года после прихода к власти, когда его диктатура еще только приступает к выполнению своей программы и в самой решающей для нее области, внешне-политической, идет от успеха к успеху; когда людской состав его аппарата еще не вполне освоился с упавшим ему как с неба привилегированным положением, не вполне поверил еще в его прочность и потому, защищая свои непривычные еще блага, готов, не останавливаясь ни перед чем, слепо творить волю «фюрера»; когда широкие массы еще крепко держатся за рожденные из отчаяния иллюзии, а все враги режима еще скованы ужасом нежданно-негаданно обрушившегося на них жесточайшего террора; — Гитлер в такой обстановке может безошибочно рассчитывать на получение 99% голосов и при «самой совершенной» системе голосования, более того, может с некоторым основанием учитывать результаты такого, пусть по существу «комедийного», голосования, как морально-политическое укрепление режима внутри страны и подъем его престижа во-вне. И совсем иное — о коренной раз-

Фашизм, капитализм и социализм в Испании

Под этим заголовком в апрельском номере «Камф» появилась интересная статья тов. Р. Гарсиа Санчес, дающая яркое представление о настроениях, господствующих в Испании. Мы приводим эту статью с некоторыми сокращениями.

На главной площади Мадрида, на Пуэрта дель Соль, висел гигантский, с дом величиною, избирательный плакат, на котором в сверх-натуральную величину была изображена голова вождя испанских фашистов Хиль Роблеса. Гигантский рот кричал с этого плаката в окна министерства внутренних дел: «Вся власть мне». И министр, сидя за своим письменным столом, одобрительно улыбался каждый раз, когда глаза его попадали на этот плакат. Ведь от него только что вышел сам Хуан Марч, специально приходивший поддерживать кандидатуру Роблеса. «Какая участь ждет испанский капитализм, — сказал сеньор Марч, — если победит не тот рот, который изображен на плакате, а Народный фронт?» — «Правительство спасет капитализм», — ответил министр. И плакат раздувался ветром как парус. А на следующий день после выборов пожарные сняли вылинявший от дождя портрет «вождя». А еще через несколько дней Хиль Роблес должен был сложить свои полномочия в качестве вождя клерико-фашистов. Но еще до этого должен был покинуть пределы Испании красноречивый адвокат диктатора Хуан Марч. Правительство ушло в отставку, и на площади Пуэрта дель Соль толпился ликующий народ, оглашая воздух гро-

мовыми кликами в честь нового министра-президента Асанья и вождя левых социалистов Ларго Кабаллеро.

Хуан Марч — человек необыкновенный и без сомнения наиболее яркая фигура испанской буржуазии. Ни один из испанских капиталистов не умеет так беспощадно обирать государственную казну, как он. Принадлежащее ему пароходное общество «Транс-Медитеранея» за время первой диктатуры нахватало столько казенных субсидий, что по уплате всех долгов и сказочных дивидендов, в кассе общества все еще оставался излишек в 25 миллионов пезет, для которых нельзя было найти никакого легального титула. Но и республика проявила достаточную щедрость по отношению к Марчу: в истекшем году «Транс-Медитеранея» получила 20 миллионов пезет, и дивиденды поднялись с 6 до 10%. Не менее прибыльны были и его побочные доходы, — главным образом от табачной контрабанды в испанском Мароко, где существует табачная монополия. Борьба между Марчем и табачной монополией кончилась тем, что табачная монополия была фактически отдана в руки контрабандистов. Это было при Примо-де-Ривера. Одним из первых актов победившей республики было расторжение этого оригинального договора. В отместку всемогущий глава контрабандистов провоцировал беспорядки в Мароко. Когда вопрос этот обсуждался в испанской палате, то в защиту Марча поднялся моло-

нице социально - экономического уклада в этой связи говорить нет надобности — в стране, где диктатура существует уже свыше 18 лет, где ее основная программа уже давно осуществлена, где ее собственный аппарат уже отяжелел, где народные массы на собственном длительном опыте познали относительную и условную ценность всех ее программ и лозунгов и где, на почве, взрытой до глубин революционными бурями, складываются и консолидируются новые социальные отношения, формируются новые социальные группировки и возникают новые социальные устремления и новые идеологии, независимые от указаний, идущих от диктаторствующей верхушки, зачастую весьма критически, а то и прямо враждебно к этим указаниям настроенные.

Одно дело — диктаторский режим на восходящей линии своего исторического развития, и совсем другое дело — тот-же режим на историческом склоне. Думать, что в Советском Союзе, в полосу подведения итогов и стабилизации революции, кристаллизации возникших на ее почве и на этой почве прочно, «всерьез и надолго» устраивающихся социальных групп, все отчетливее сознающих свои, зачастую антагонистичные, интересы в новых, по-революционных условиях, — думать, что в такой исторической обстановке можно попросту разыграть «по нотам» комедию всеобщих и тайных выборов так же, как она только что была разыграна в Германии, и потому считать советскую «демократизацию» чистейшим пустяком, не заслуживающим серьезного внимания, было бы величайшей политической ошибкой.

Диктаторствующие реформаторы, конечно, и сами не заблуждаются на этот счет. Потому-то они решились возвестить реформу лишь тогда, когда их вынудили к тому причины, о которых мы уже не раз говорили и среди которых внешне-политическая обстанов-

дой, и тогда еще никому неизвестный депутат, Хиль Роблес. Так на службе Марча началась карьера будущего вождя клерико-фашистов.

На ноябрьских выборах 1933 года победила реакция, и в Испании началась вторая фашистская диктатура. Во главе победителей стояли Хиль Роблес и его партия, которая, как показывает уже одно ее имя (Аксион Католика), была ничем иным, как боевым отрядом католической церкви. Государственный аппарат, капитал и церковь — вот «святая троица» испанской реакции.

Подобно русскому капитализму, капитализм испанский возник сравнительно поздно и преимущественно на основе вложений иностранных финансистов. Главным полем деятельности этих последних является железнодорожные компании, которым государство выдало 2 миллиарда пезет в форме безвозвратных ссуд и субсидий и еще 2 миллиарда в виде гарантированных государством облигаций. Акционерный капитал в 750 миллионов, который был вложен в облигации, испанские капиталисты, сильно разжившиеся во время войны, скупили у иностранных держателей за 250 миллионов. Таким образом, 250 миллионов фактически владеют пятью миллиардами. Для того, чтобы это было возможно, необходим был систематический подкуп администрации и законодателей. В 1920 году социалистический депутат Менендес огласил в Палате список 300 депутатов, состоявших на службе или на жаловании железнодорожных компаний. Но железные дороги являются не единственным предприятием испанского капитализма, кото-

ка, все сгущающаяся опасность войны играет самую важную роль. И потому-то, возвестив реформу, они такую убийственную — поистине не «стахановскую» — медленностью разрабатывают ее. Но в наличной ситуации добиваться такого разрешения вопроса, при котором «демократизация» осталась бы одной вынужденностью, не только не наносящей непосредственного ущерба режиму террористической диктатуры, но и угрожающей и в будущем ее устойчивости, значительного расширения круга. Каковы бы ни были намерения диктаторов, и какой бы вил ни приняла непосредственно реформа, она неизбежно пробьет в этом режиме брешь, которую будет непрерывно расширять и по мере пор все более консолидирующихся, все более крепнущих, все более осознающих себя социальных сил. Чем более будет идти сверху противодействие этому напору снизу, тем более «оживленная избирательная борьба» и вокруг самых «деловых» и даже персональных вопросов будет на деле принимать характер борьбы политической.

Всем этим определяется и позиция социалдемократии в вопросе о демократизации. Конечно, в силу всей установки, продиктовавшей российской социалдемократии ее платформу, наша партия предпочтала бы, чтобы подлинная демократизация советского режима или иначе — последовательная демократическая ликвидация террористической диктатуры совершалась не на путях борьбы народных низов с выдвинутой элитой — теми же низами в процессе революции, но от них все более отделяющейся и бюрократически перерождающейся диктаторствующей верхушки, а на путях сознательного и добровольного отступления этой верхушки с позиций террористической диктатуры на политическую позицию подлинной демократии, опирающейся на самостоятельную деятельность трудящихся масс и настоятельно требующей историческим моментом, интересами революцион-

ное паразитическое питается казенными субсидиями. Вторая по величине пароходная компания Испании «Транс-Атлантика», вытаскала из казны за десять лет 367 миллионов. Самая крупная в Испании верфь производит в год на 200 миллионов государственных заказов. Бумажная индустрия держится исключительно на высоких ввозных пошлинах и на грабительском обирании внутреннего рынка. Металлургические заводы подпитываются банками, а банки существуют за счет банковской спекуляции, потери которой покрываются за счет государственного банка. Промышленного кредита в Испании не имеется. Сельско-хозяйственный кредит можно получить только через католическую «аграрную конфедерацию».

Испанский капитализм состоит из дюжины крупных акул, связанных тесной дружбой с дюжиной подставных лиц, за спиной которых стоит орден иезуитов. Самый влиятельнейший из этих агентов иезуитов Рунс Сэнэн занимает решающие посты в 42 крупнейших испанских предприятиях. Он является правой рукой маркиза де Урвиго, который соединяет в своих руках все командные высоты промышленности. Другое доверенное лицо иезуитов, дон-Герера, управляет католической с.-х. кредитной кооперацией, господствуя тем самым над всем сельским хозяйством Испании.

Этого металлического сплава государства, церкви и промышленности не мог, конечно, разрушить чисто политический переворот, каким явился переворот 1933 го-

После двух лет республиканских иллюзий, владевших рабочими Испании, внезапно произошел прыжок в

социализма, русского и международного: ибо лишь на этих последних путях исключалась бы полностью та, немалая в современной исторической обстановке и, особенно, в обстановке возможной войны, опасность, что в борьбе народных масс против вышедшей из революции власти будет создаваться питательная среда и для нарастания элементов контр-революции.

Но ход событий зависит в этом случае не от нас, а от самих диктаторов. И поскольку они, как можно судить по официальным высказываниям Сталина и Молотова, окажутся способными создать своей реформой не подлинную демократизацию советского режима, а лишь известные условия для борьбы за такую демократизацию, задача нашей партии будет заключаться в том, чтобы принять участие в этой борьбе на новой, создаваемой реформой почве и со своей стороны сделать все, чтобы придать этой борьбе пролетарски-социалистический, резко враждебный всякой контр-революции характер.

Мы, разумеется, ни на минуту не заблуждаемся насчет тех более чем скромных форм, в которых в данной обстановке наши товарищи, вопреки долгим годам жесточайшего террора сохранившие свою идейно-политическую стойкость и прочную связанность с миром трудящихся, смогут начать осуществление этой задачи. Мы знаем, что тщетно пытаться заранее намечать тот конкретный подход к выполнению этой миссии, который может быть выработан лишь на практике, лишь путем тщательного продумывания всех тех мелких, деловых, местных и даже персональных вопросов, в круг которых будет замкнута поначалу «избирательная кампания» и которые социалдемократам придется делать исходным пунктом для постепенного, но последовательного оформления политической мысли избирателей. Но мы уверены, что наши товарищи, имеющие за собою громадный политико-организационный опыт, справятся

с этой задачей. И мы уверены, что, чем больше стержнем всей «избирательной» пропаганды наших товарищей будет мысль, что в нашу эпоху повсюду и тем более в советской стране революции основой подлинной демократии может быть лишь свободная организованная самодеятельность и свободное самоопределение трудящихся, тем успешнее будут осуществляться те политические задачи, которые ставит себе российская социал-демократия, и тем скорее сама она с развернутыми знаменами займет подобающее ей место на арене советской общественности, как массовая партия рабочего класса.

Ф. Дан.

Очередная задача

Трудно не писать сатиры на Лигу Наций...

Один остроумный французский журналист заметил, что лондонская сессия Совета Лиги Наций прошла под знаком «символики», а только что состоявшаяся женевская сессия под знаком слова «не». В Лондоне говорили о «символической ремилитаризации Рейнской области», о «символическом жесте Франции», о «символическом уходе войск» и т. п. В Женеве же порешили не применять новых санкций, не отменять старых санкций, не выносить никаких новых резолюций и т. д. Один из наиболее осведомленных французских корреспондентов в Женеве, Зауэрвейн с явным злорадством констатирует, что поспешный уход из заседания Идена, торопившегося к поезду, был похож на бегство...

Лига Наций явно не выдержала, прежде всего, абиссинского экзамена. Она не смогла (потому что в своем

революционную фазу. Испанскому пролетариату не оставалось никакого иного выхода. После двух лет господства демократическо-социалистической коалиции вдруг обнаружилось, что «святая троица» реакции снова восстановлена во всей своей силе и готовится перенять господство. Ответом на эту опасность было октябрьское восстание 1934 г. Оно закончилось, в отличие от октябрьского восстания в России, поражением пролетариата...

После октября наступил разгул торжествующей реакции. Все демократически избранные органы местного самоуправления были распущены, все органы администрации «очищены» от революционных элементов. Войска, жандармерия (гвардия сивиль), полиция всех родов оружия держала в повиновении народ. Все Народные Дома были закрыты, пролетарские газеты запрещены, либеральная пресса поставлена под строгий контроль. Этот исключительный режим продолжался 15 месяцев.

Под его сенью 36.000 заключенных томилось в темницах Испании. В коллективном протесте, поданном 264 заключенными Овиедской тюрьмы (в Астурии) 31-го января 1935 года, в ярких красках рисуется тот бесчеловечный режим истязаний, моральных и физических пыток и бессудных расстрелов, который господствовал в побежденной Астурии.

Каталония, которой республиканская конституция предоставила автономию, была поставлена под власть мадридского губернатора. Ее автономия была отменена декретом. Каталонские республиканские вожди оказались в тюрьме. Вокруг имени Асаньи, первого республиканского министр-президента Испании, реакцион-

ная пресса создает сеть грязной клеветы. Ларго Кабалеро, председатель социалистической партии, брошен в тюрьму. Вождь астурийского восстания Пенья, приговаривается к смерти. Партия и профсоюзы запрещены. Новый реакционный парламент работает изо всех сил над разрушением республики, и реакционные депутаты открыто этим похваляются. Испанские гранды получают обратно земли, конфискованные у них за участие в монархическом путче 1932 г. Вся аграрная реформа сводится на нет, реформа школы саботируется. Везде снова господствует духовенство, восстановленное во всех правах, с сохранением полного содержания. Начальником военного министерства становится Хиль Роблес, и министерство это превращается в очаг для подготовки государственного переворота.

Создалось положение вроде того, которое господствовало во Франции после разгрома Коммуны 1871 г., или в Австрии после февраля 1934 г., или в Венгрии, Германии, Италии, в соответствующие моменты.

Но не был сломлен дух пролетариата. Социальные противоречия все обострялись, и вместе с ними росла сила сопротивления. «Пролетариат еще не побежден», — уверенно заявила социалистическая партия в своем первом нелегальном воззвании в начале 1935 г. И действительно: пользуясь одинаково и остатками легальности и нелегальными методами работы, испанские рабочие, доказавшие блестяще свою политическую зрелость, сумели разбить реакцию. Лозунг «республики на пути к социализму» захватил миллионные массы, ставшие основой Народного Фронта. С особенным жаром левый фронт был поддержан женщинами, в Испании более чем в какой-либо другой стране находившимся де-

решающем большинстве не захотела) оказать действительной поддержки атакованной стране, и делегат Абиссинии в Женеве с полным основанием мог бы упрекнуть Л. Н., что его страна была введена в заблуждение решительной по форме, но бессодержательной по существу, фразеологией торжественных резолюций Л. Н.

Абиссиния, повидимому, погибла. Все расчеты и предвидения военных специалистов, предсказывавших Италии многолетнюю кампанию с неверными шансами на успех, были опрокинуты успехами современной военной техники и той чудовищной диспропорцией, которая обнаружилась между моторизованными армиями Италии, снабженными танками, аэропланами, ядовитыми газами, и нестройными, необученными полчищами полудиках абиссинцев, не имеющих в своем распоряжении ни тяжелой артиллерии, ни аэропланов, ни даже достаточного количества современных винтовок, и для которых фабрикация газовых масок является неразрешимой проблемой. Против современной армии, вооруженной всеми новейшими завоеваниями техники, оказались бессильными и естественные препятствия, и безводные пустыни, и непроходимые горы. Сумевшая уцелеть при основном разделе мира, совершенном до мировой войны и во время ее, ухитрившаяся в продолжение тысячелетий остаться в стороне от большой дороги современной цивилизации в кавычках и без кавычек, Абиссиния ныне становится добычей итальянского империализма, самого молодого и хищного в Европе. К длинному списку колониальных и полу-колониальных народов, силою европейских пушек втянутых в круговорот современного капитализма, будет присоединена и древняя империя «князя князей».

Это обстоятельство само по себе не в состоянии было бы вызвать того взрыва общественного негодования, какой наблюдается сейчас во всем мире. Колониальная

политика и колониальные завоевания давно уже сделались обыденной принадлежностью современного капитализма и в нормальное время уже не волнуют большую общественную совесть, в особенности в странах, которые сами владеют колониями. Но в данном случае грубительский поход Италии против Абиссинии произошел при особом стечении обстоятельств: впервые в истории колониальных войн за беззащитный колониальный народец заступилась могущественная организация пятидесяти великих и малых держав; впервые в истории колониальных войн против наступающей колониальной державы этой организацией был вынесен суровый приговор, подкрепленный угрозой серьезных санкций. И если, несмотря на все это, Италия в конце концов безнаказанно «скушает» Абиссинию, то это будет уже не просто эпизод в истории колониальных завоеваний, а явится одним из наиболее ярких доказательств бессилия и банкротства Лиги Наций, как организации «коллективной безопасности».

В этом смысле только что закончившееся заседание совета Л. Н. не впишет особенно славной страницы в историю этого учреждения.

Но может-ли, при нынешнем состоянии мира, Лига Наций быть чем-нибудь иным и большим, чем суммирующая организация государств? И может-ли эта сумма, состоящая из государств, быть иным и большим, чем опять-таки при настоящем состоянии мира, быть иначе, нежели алгебраической, т. е. такой, в которой некоторые положительные величины поглощаются отрицательными?

Ахилесовой пятой Лиги Наций в итало-абиссинском конфликте явилась политика Франции. Только благодаря половинчатой, нерешительной, а временами и прямо саботажнической политике Франции, к Италии своеобразно не были применены те действительные санкции (эмбарго на нефть, уголь, сталь, хлопок и т. п.), которые в состоянии были бы поставить фашистскую Италию

толе под влиянием церкви. Но на сей раз их захватила более сильная этика: освобождение узников, восстановление справедливости, борьба за лучшее будущее. Так пришел февраль, подготовленный октябрем...

Победе Народного Фронта в значительной степени способствовала и внутренняя борьба в лагере реакции. Иезуиты и спекулянты, которые от управления хозяйством перешли к управлению государством, не поделили между собой власти. Первые были представлены так наз. радикалами, во главе с Лерусом, своего рода политическим Хуан Марчем; вторые — были представлены «Аксион Популар», руководимой все тем же Хиль Роблесом, профессором из Саламанки. В 1934 году политический спекулянт проложил путь к власти ставленнику иезуитов. 1935 год прошел под знаком союза этих двух вождей. Но в 1936 году Хиль Роблес вознамерился господствовать один, ни с кем не деля власти. Поэтому он бросает своего союзника из одного кризиса в другой. Но в то время, как Роблес выступает против Леруса, массы начинают все больше выступать против Роблеса. 500.000 мадридцев собираются на площади послушать Асанью, несмотря на направленные на них дула ружей. «Легенда о разгроме левой разрушена». Правый блок трепещет перед мощью этой небывалой по своей грандиозности демонстрации свобододолюбивой Испании. Силы фашизма вновь стремятся к единению. Хиль Роблес чувствует Леруса на банкете в отеле Ритц, прославляя его, как «подлинный образец морального авторитета», и лобызаясь с ним. Но на следующий день в тех же газетах, в которых напечатаны снимки с этого банкета единения, приводятся яркие образчики лерусовской морали. Голландец Страус пу-

блично признается, что он противозаконно получил концессию на игорные дома, благодаря тому, что в ряду министров, депутатов и высших чиновников, в числе Лерусу и его пасынку, крупные взятки и подкупки. Одна за другой раскрываются панамы, рушатся министерства. Лерус вынужден исчезнуть со сцены, а Хиль Роблеса исключают с позором. Президенту не остается никакого иного выхода, кроме перевыборов.

Накануне выборов вновь создается контр-революционный блок, во главе которого вновь становится нежеланный «курилка» Хиль Роблес. И снова объявляется крестовый «поход против марксизма», и снова всех церковных амвонов раздается клич: «Христианство и Испания». — По всей стране раздается звон золотых треск револьверов: то миллионеры и «пистолерос» вступились в избирательную борьбу под лозунгом: «Кто за нас, тот враг Христов».

Но распятый бог празднует свое воскресение в прелетарском лагере. Там борются за свободу, за освобождение узников, за права угнетенных. Анархисты, коммунисты и социалисты объединяются со всеми прогрессивными республиканцами на короткой и ясной программе совместных действий. Присоединение республиканских партий к этим требованиям гальванизирует существование, благодаря притоку пролетарских голосов. Такого избирательного соглашения Народного Фронта.

Через 48 часов после перехода к власти правительства Асаньи все устраненные были члены органов самоуправления

лию на колени. Но эта политика Франции в свою очередь диктовалась страхом перед гитлеровской Германией. Если в политике Лавалья можно было с известным основанием предполагать элемент политических симпатий к фашизму, то было бы по меньшей мере странно приписывать подобные мотивы Поль-Бонкуру. А, между тем, Поль-Бонкур вел себя в Женеве в вопросе о санкциях против Италии не на много иначе, чем Лаваль. Возможно, что, если бы Лаваль в свое время вел иную политику, не пришлось бы теперь Поль-Бонкуру копировать Лавалья. Но «в этом безумии есть система»: в борьбе против возрождающегося гитлеровского империализма и милитаризма Франция нуждается в поддержке и Италии и Англии. Между тем, присоединение к политике санкций вынуждает Францию сделать выбор между Англией и Италией; отказ же от принципа санкций подрывает самое существование Лиги Наций и делает иллюзорной ту систему коллективной безопасности, которая одна только может дать спасение Франции в случае германского нападения. Из этого заколдованного круга французская политика до сих пор не сумела вырваться. Под дулом направленного на нее револьвера муссолиниевского шантажа, Франция вынуждена лавировать, уступать, нарушать торжественно выдвигаемые ею самую принципы и компрометировать ту самую Лигу Наций, вне которой Франция не мыслит себе международной политики мира. Так, двойственная политика Франции спасает Италию. Итальянская гиена спасается, благодаря страху перед германским тигром.

Но этот германский тигр, пока по крайней мере, не кажется еще очень страшным Англии. В Англии растаковка общественных и классовых сил по отношению к германскому фашизму диаметрально противоположна той, какая наблюдается по отношению к гитлеризму во Франции. Если во Франции в реакционных и консервативных кругах явно сказываются не только симпатии к фашистской Италии, но даже и склонность к соглаше-

нию с гитлеровской Германией, а широкие массы, в первую очередь пролетарские, настроены анти-фашистски и анти-гитлеровски, то в Англии только в кругах «твердолобых» консерваторов, Черчилей и Чемберленов, имеется твердое желание противопоставить наступающему гитлеризму военно-политическую мощь Британской империи. Общественное-же мнение широких слоев английского населения, вплоть до огромного большинства Лейбор партии, резко непримиримо относится к итальянскому фашизму, но настроено примирительно по отношению к Германии, готово признать справедливость германского тезиса о равноправии и серьезно отнестись к мирным заявлениям и предложениям «фюрера». В этом различном отношении к фашизму германскому и итальянскому сказывается не только бессознательный национализм (империалистические претензии Италии более непосредственно задевают интересы Англии, чем завоевательные планы Гитлера), но и тот «наивный пацифизм», та страстная ненависть к войне, которая, как правильно указывает О. Бауэр в своей статье в апрельской книжке «Кампф», «эксплуатируется фашистскими насильниками и гарантирует им безнаказанность, ибо массы эти в интересах мира всегда требуют капитуляции перед созданными насилем фактами». И только изощренные долгим опытом управления, особо хорошо осведомленные, — благодаря интимной связи с теми кругами, которые при всех гравительственных режимах фактически управляют судьбами Британской империи, — традиционно франкофильские лидеры английского консерватизма проявляют в данном случае большую политическую дальновидность и отчетливее представляют себе реальные тенденции ново-германского империализма, чем представители либеральной и социалистической Англии.

Если политика Франции парализует Лигу Наций в охране института коллективной безопасности против фашистской Италии, то продиктованная английским об-

щения были восстановлены в своих правах, все Народные Дома снова открыты; все губернаторы отдельных провинций сменены; все арестованные освобождены; все уволенные возвращены на свои прежние должности; все изгнанные крестьяне провинции Эстремадура снова посажены на землю, и смещенные вожди Каталонии вновь поставлены во главе управления автономной области. То была подлинная и глубокая революция, несмотря на то, что она произошла без единого выстрела. Да в стрельбе не было и надобности. На мой вопрос об исходе выборов, один рабочий ответил мне в историческую ночь 16-го февраля: «Разве вы не видите, что жандармы нас уже называют сеньорами?» — Стихийному давлению масс никто не мог сопротивляться. Правительство должно было в самом спешном порядке уступить место кабинету Асаньи, которому оставалось только легализовать уже произведенное народом освобождение арестованных. В Каталонии народные массы вновь поставили у власти своих смещенных вождей: был создан «совершившийся факт» еще до того, как верховный конституционный суд вынес свой приговор. Крестьяне провинции Касерес захватили землю помещиков и предоставили Министерству Земледелия подыскать для узаконения захвата подходящую формулу. А губернаторы провинции вынуждены были декретировать закрытие фашистских центров, уже заранее уничтоженных или подожженных рабочими. Ибо рабочие и крестьяне Испании прочно усвоили себе, что революции делаются не в парламенте, а на улице и в поле...

Победа испанского Народного Фронта имеет огромное значение. Ведь враг, против которого ему приш-

лось бороться, был так могуществен. Ведь в последнюю минуту правительство, гордо заявлявшее, что оно будет действовать «совершенно объективно и беспристрастно», перешло под давлением Марча целиком в лагерь контр-революции. Экономическое и идеологическое давление соединилось с административным террором. Что могли противопоставить этому чудовищному блоку рабочие и их свободолюбивые союзники из буржуазного лагеря, кроме своего энтузиазма? Но ненависть к реакции и господству кнута глубоко проникла в народные массы. Не только рабочие чувствовали себя угнетенными и подавленными, — каждый свободный испанец переживал те же ощущения. Волна морального негодования грозила снести все плотины. И тогда реакция ухватилась за свой последний козырь: «Партии порядка» решили повергнуть страну в хаос, в котором погиб бы Народный Фронт. Началась провокаторская работа фашистских «пистолерос». Стрельба в рабочих, нападения на демонстрации — все было пушено в ход, чтобы спровоцировать рабочих, чтобы заставить левое правительство пустить в ход оружие против народа.

Это был искусный шаг: нет ничего легче, как провоцировать на необдуманные индивидуальные шаги массы, еще покрытые свежими ранами гражданской войны. Но тем искуснее должна быть политика правительства, которое взяло на себя задачу не только удерживать уже достигнутые завоевания революции, но и открыть новую эру развития, могущую приобрести всемирно-историческое значение.

Первые шаги проведены с поразительной быстротой и в образцовом порядке. К тем мерам, которые уже выше перечислены, надо еще прибавить арест ряда ге-

щественным мнением политика британской делегации делает Л. Н. бессильной и неспособной предохранить мир от военной опасности, которую ему несет фашизм германский.

Вот положение вещей, которое создалось в настоящий момент, и которое с особенной яркостью проявилось сейчас в Женеве. Есть ли выход из этого тупика? Имеется ли еще путь к спасению мира через Лигу Наций? Возможно, что такого пути нет. И тогда война неизбежна. И в этой войне, развязанной германским фашизмом при полной дезорганизации всего остального мира, будут велики как никогда шансы победы гитлеризма.

Но не закрыт окончательно и другой путь, тот единственный путь, который несет спасение миру. Он заключается в том, чтоб, как мы не раз указывали, международный социализм, не отступая ни перед шатаниями буржуазных классов, ни перед капитулянтскими настроениями боящихся войны масс, нашел в себе достаточно силы, чтобы помочь созданию такого блока стремящихся к миру народов, на который фашизм не осмелился бы никогда напасть, зная, что война против этого блока заранее обречена на неудачу.

Но создание такого блока непременно предполагает, как правильно указал Леон Блюм в своей избирательной радио-речи, участие в нем (в рамках Лиги Наций)

Англии, Франции и Советского Союза, тех трех великих держав, которые по своей военной и экономической мощи могут занять руководящее место в создании «железной стены» вокруг бешеного зверя фашизма» (Анстриакус в апрельской книге «Кампф»), и национальные интересы которых диктуют им участие в этом блоке.

Русско-французский договор доказал готовность советского правительства и Франции вступить на этот путь. Завершение этого блока зависит сейчас от Англии, в руках которой таким образом находятся ключи к той действительной системе коллективной безопасности, которая одна лишь может гарантировать мир. Но как мы уже показали выше, политика современного английского правительства в значительной степени определяется теми наивно пацифистскими иллюзиями, о которых говорил Бауэр. Борьба против них, выяснение перед рабочим классом Англии истинные тенденции развития, совершающиеся сейчас в германском фашизме и грозящие гибелью всему делу мира и демократии, на полнить сердца английский пролетариев решимостью активной борьбе за мир — такова крайне ответственная очередная задача наших английских товарищей, задача, в которой им должен помочь весь Соц. Интернационал.

Р. Абрамович.

Экономические заметки

1. ВЕЛИКИЙ РЫЧАГ.

Все множатся факты, показывающие, что колхозное крестьянство в массе осознало громадные хозяйственные преимущества крупных колхозных объединений. Наиболее яркое доказательство: с каждым годом улучшающееся качество сельско-хозяйственной работы и устойчивый подъем зерновых и технических культур.

Но также несомненно, что из-за современного строя

колхозного хозяйства, крестьянство в массе, кроме отдельных ударников и знатных людей, не воспринимает подъем колхозного благосостояния, как не посредственное улучшение своей жизни, и поэтому все свою крестьянскую страсть и значительную часть своей рабочей силы отдает своему личному (усадебному) хозяйству, которое дает колхознику и его семье не посредственные доходы.

нералов, которые руководили подавлением октябрьской революции; усиленную активность в проведении аграрной реформы; все большее внедрение лево-настроенных чиновников в правительственный аппарат и все более энергичное вытеснение духовенства из занятых им идеологических постов*). Асанья не любит много говорить. Тем важнее та его единственная речь, которую он произнес в кругу своих партийных друзей вскоре после прихода к власти: «Мы пойдем гораздо дальше, чем это предусмотрено избирательным соглашением». Надо ли понимать под этим экспроприацию крупного землевладения и церкви, национализацию банков и печати, контроль над производством и монополию внешней торговли? Рабочие к этому стремятся. Они не желают разменять свою победу на мелкие стычки с фашистскими кликами.

Именно для достижения этих крупных целей отдали они свои голоса левым республиканцам. Вместе с рабочими массами пошли и испанские анархисты. Не приведет ли это к возрождению республиканских иллюзий первого периода? Ответ на это дает Ларго Кабаллеро, старый революционный вожь испанского пролетариата:

та: «Во время монархии нашей целью являлась республика, при республике нашей обязанностью является борьба за социализм. Буржуазная республика не есть нечто неизменяемое. Она не является институцией, которую мы должны заложить на столь неподвижном фундаменте, чтобы было потом невозможно подвинуть его по направлению к нашей цели. Мы с удовольствием не отказываемся от того, чтобы превратить эту республику в социалистическое общество. Мы боремся в ней за улучшение наших шансов. Только для этого и создан блок» (с левыми республиканцами).

Опыт первого периода испанской революции в соединении с историческим опытом победы гитлеризма в Германии и поражения февральского восстания в Австрии произвел глубокий сдвиг в психологии испанских рабочих масс. Но развитие партийной верхушки отстает от этого процесса. Это расхождение привело к кризису партии, который получил свое наиболее яркое выражение в уходе Кабаллеро с поста председателя партии. Массы ответили на это избранием всех лидеров левых парламент...

Процесс объединения еще не закончен в испанском пролетариате. Еще не преодолен реформизм в широких слоях социалдемократии. Еще не сплетены нити, связывающие с ней все остальные пролетарские группы в стране. От успеха этой внутренней эволюции пролетариата зависит дальнейшая судьба испанской революции.

*) Уже после того, как была написана статья, Народный фронт заставил уйти в отставку умеренно-правого президента Самору и открыл дорогу для президентства решительного и верного республиканца, вернее всего, того-же Асаньи. Ред.

Какой громадный рычаг представляет собою, даже в колхозной деревне, личная заинтересованность показывает перелом, произошедший в 1935 году в животноводстве.

Общеизвестно, что в период принудительной коллективизации погибла значительная часть крупного и мелкого скота. И также общеизвестно, что, и после раскулачивания—до 1934 г., гибель скота продолжалась, несмотря на энергичные меры, принимаемые местными и центральными властями в колхозах.

Перелом начался только после того, как советская власть сделала уступку частно-хозяйственным интересам крестьян и разрешила колхозникам иметь, наряду с колхозными животноводческими фермами, в своем владении крупный и мелкий скот, хотя и ограничила это право довольно узкими пределами. И эта уступка, это раскрепощение крестьянской частно-хозяйственной заинтересованности, сделали то, что было не по силам колхозным фермам, обладающим миллионными ассигновками. Уменьшение стада сперва приостановилось, а затем начался и быстрый процесс восстановления, вначале стада мелкого, а потом и крупного скота.

Но интересно проследить какими путями идет этот процесс восстановления. Сейчас опубликованы подробные данные переписи скота на 1-ое января 1936 года.

Со строгой закономерностью они показывают, что по всему СССР, по всем видам скота наибольший рост стада дают хозяйства самих колхозников. Скот, находящийся во владении и на попечении колхозников растет в числе быстрее, чем скот совхозов и колхозов.

Приведем для иллюстрации данные по всему СССР о приросте скота за 1935 год.

Крупный рогатый скот: у колхозников — 32,5%, у колхозов — 30,1%, у совхозов — 1,3%.

Коровы: у колхозников — 15,8%, у колхозов — 13%, у совхозов — 1,3%.

Овцы и козы: у колхозников — 40,5% у колхозов — 33,5%, у совхозов — 11,4%.

Свиньи: у колхозников — 80,6%, у колхозов — 45,1%, у совхозов — 37,9%.

Согласно сталинскому уставу право на владение лошадьми предоставлено лишь колхозникам некоторых степных коневодческих районов. И здесь жизнь принесла яркое доказательство того какой мощный стимул дает личная заинтересованность. В то время как общее стадо лошадей за год увеличилось лишь на 3,3%, у колхозов лишь на 13,5%, у колхозников число лошадей за год увеличилось на 36,9%.

Перепись скота позволяет сделать еще два вывода. У рабочих и служащих, живущих в сельских местностях и имеющих условия более благоприятные, чем рядовые колхозники, темп прироста всех видов скота еще более высокий, чем у колхозников. С другой стороны, у единоличников, хозяйство которых поставлено в невыносимые условия, повсеместно наблюдается резкое и прогрессирующее уменьшение стада.

В совхозах и колхозах на животноводческие фермы затрачены многомиллионные средства. Оборудованы новые хлева, конюшни, стойла. Предоставлен обильный корм и организован ветеринарный уход. Растет число ударников, стахановцев, орденосцев... А у колхозников на содержание скота естественно затрачиваются более скромные средства, и возможности их по части кормов значительно меньшие.

И однако, всю технику, ветеринарию и санитарию обгоняет один скромный, но, в условиях психики и быта крестьян, даже колхозных, решающий фактор: личная заинтересованность.

Личная заинтересованность единоличников,

сталкиваясь с тысячами препятствий, воздвигнутых советской властью, чтобы подавить и искоренить «частно-хозяйственные обломки» в деревне, бесплодно пропадает и плодит лишь отчаянье и злобу.

Личная заинтересованность колхозников, с тех пор как власть легализовала их усадебное хозяйство, обеспечила им содействие кредитом и кормами и поощрила рост их «зажиточности», — дает наиболее быстрые темпы восстановления.

Конечно, задача ухода и выращивания колхозником одной коровы и пары свиней не сравнима по сложности и по размерам с исключительно трудной задачей быстрого восстановления всего животноводства такой громадной страны, как СССР, и эту задачу, конечно, без мобилизации финансов, без организации, без плана и без санитарии и ветеринарии не выполнить.

Но перед советской властью стоит цель: объединить воедино крупную организацию и личную заинтересованность. Раз признавши, что в крестьянском хозяйстве фактор личной заинтересованности имеет право гражданства, и что с ним надо считаться, следует от современной правовой системы колхозов, которая даже при ее идеальном выполнении, приучает колхозников считать, что в колхозах они выполняют, главным образом, государственные и общественные повинности («работаем на государство и на город»), а на себя они работают лишь в своем усадебном хозяйстве, перейти к такой социально-экономической системе, которая слила бы в единый сплав и общественные интересы и личную заинтересованность, которая бы организовала в единый процесс и наилучшую технику и наибольшую крестьянскую выгоду.

А это возможно лишь в условиях действительного свободного, действительно самостоятельного крестьянского сельско-хозяйственного кооператива.

ШЕЛКОВЫЕ МОДЕЛИ И СИТЦЕВАЯ РУБАХА.

Орган комиссариата торговли «Советская Торговля» сообщает (14 апреля 1936 г.):

«На-днях в Москве при «Доме Моделей» треста Мосбелье состоялась конференция, посвященная отбору моделей на осенне-зимний сезон 1936 г. Конференция утвердила 236 новых фасонов платьев, юбок и блуз из шелка, шерсти и хлопчато-бумажных тканей».

«Дом Моделей»: «236 новых фасонов моды 1936»!!! Ну, как тут не поверить, что прошли тяжелые денечки и началась веселая, зажиточная жизнь.

Но из той же «Советской Торговли» мы узнаем, что всего лишь в сотнях километров от Москвы, при том не в самом глухом, властью забытом углу, а в промышленном центре, в Горьком, «рабочие табунами ходят по магазинам в поисках простой ситцевой рубашки или пары обуви». Где уж тут о шелковых последних моделях мечтать, когда лишь счастливицы находят нужную им рубашку. Но самое нелепое начинается, по словам советской газеты, лишь после того, как рубашка найдена. «А удостоверение от горторга имеете? — издевательски спрашивает продавец. — «Какое такое удостоверение?» — негодует покупатель. — «У нас распоряжение: без удостоверений дефицитного товара не продавать, на всех не хватает», — равнодушно отвечает продавец. И вновь начинается беготня по учреждениям совсем, как во времена карточек и ордеров...

«Советская Торговля» (9 апреля 36) сообщает еще более печальное обстоятельство. «Во всех Краснодарских магазинах уже в течение года нет сорочек и брюк». А без брюк обойтись трудно даже в условиях краснодарской провинции!

Конечно, сейчас с промтоварами легче, чем год-другой назад. Но это улучшение идет очень медленными темпами и с явным разделением граждан на опекаемых и пренебрегаемых. На «мальчиков в штанах» и «мальчиков без штанов», по щедринскому определению.

Таких противоречий современная советская жизнь приносит множество. «В парке им. Горького в Москве строится бар. На вертящихся круглых табуретах можно будет выпить самые разнообразные коктейли... Здесь же открывается большой магазин карнавальных принадлежностей». А корреспонденция из Свердловска сообщает, что «в магазинах хронически отсутствуют товары повседневного спроса». Нет белой муки, нет крупы, нет сахара, нет мыла, нет махорки, нет спичек.

Целая первая страница «Советской Торговли» (15 апреля) занята описанием Продуктового Магазина № 2. Хроникер живописует спрос на высшие сорта кондитерских и колбасных изделий и с возмущением устанавливает, что «к концу дня не хватило балыков, тешки, икры, севрюги, осетрины и т. д., и т. п.». Вместо 20-30 лотков пирожных доставили только три. Ромовых савар не хватило... Не было конфет «Аэро», орехового ириса и мягких шоколадных конфет высшего сорта по цене 17-18 руб. и выше за килограмм. Не хватило колбасы краковской, глазированной, салами и метвурст и других высших сортов».

И значительно меньше энтузиазма проявляется при сообщении материалов инспекции Наркомвнуторга, которые устанавливают, что в лавках Ростова, Минска, Тулы, Армавира, Днепропетровска, Винницы и даже на окраинах Москвы и Ленинграда совершенно не выполняются правила о минимальном ассортименте, что не бывает не только 6-7 сортов хлеба, а часто нет даже обычного ситного. Нет белой муки, крупы, нет соли, нет сахара, нет керосина, нет мыла, нет свечей, нет ламповых стекол и т. п. «Проверка торговли товарами повседневного спроса в Азовско-Черноморском крае показала итоги поистине позорные. В 56% проверенных сельских лавок отсутствовали те или иные товары повседневного спроса» (23 апреля 36 г.).

Так двумя методами осуществляется так называемая открытая торговля. Заботливость о торговле столиц, снисходительное поощрение требований со стороны привилегированного слоя советских граждан и отодвигание на второй план, а порой и забвение насущных нужд населения провинции и особенно крестьянской массы.

Это очень опасная тенденция...

ОТЧЕГО ОТСТАЕТ ДОНБАСС?

«Правда» с негодованием сообщает о том, что, начиная с января, добыча угля в Донбассе ежемесячно уменьшается, несмотря на проводимые там стахановские декады и ежемесячники. Почему бы? Казалось, было проведено стахановское разделение труда. Были даны в достаточном количестве машины, оборудование, материалы. Рабочие имеют в избытке. Введены новые нормы. «Рабочие массы охвачены желанием дать высшую производительность». Вся работа поставлена под контроль партийных организаций. Стахановщина всемерно поощряется. И вдруг... Почему? — задается вопросом «Правда» и, после обстоятельного анализа, изрекает: «Не хватает большевистской организованности и большевистских организаторов!».

Перепевы сталинского афоризма: «для большевиков нет невозможного!».

Донбасс сейчас дает большевикам урок о пределах возможностей даже для большевиков, даже для диктаторской власти.

После окончания первой пятилетки, добыча угля и в первую очередь добыча угля в Донбассе, была самым узким местом индустриализации СССР. Советская власть обратила на угольную промышленность усиленное внимание. В 1932 году было опубликовано письмо Сталина к донбассовцам. Для поднятия производительности в Донбассе с специальными миссиями были командированы сперва Каганович, а затем Орджоникидзе. Для рабочих угольной промышленности были созданы специальные ставки зарплаты. Были ассигнованы дополнительные средства для жилищного строительства в Донбассе. За три года была произведена радикальная реорганизация управления и всей технической базы Донбасса. К 1934 году механизация добычи была доведена до 79,1%, механизация доставки до 87,2% всей добычи. Все эти мероприятия позволили поднять среднесуточную добычу с 130 тыс. тонн (средняя за 1933 год) до 178,2 тыс. тонн в январе 1935 года. На этом уровне, лишь с небольшими колебаниями, суточная добыча держалась до сентября 1935 года (177-178 тыс. тонн).

Специальные технические комиссии, обследовавшие Донбасс по поручению Орджоникидзе, единодушно пришли к выводу, что устойчивый рост добычи возможен лишь после выполнения шести предварительных условий: концентрации и реорганизации рабочих участков, проведения подготовительных работ по созданию резервных линий забоев, устранения причин массовых аварий механизмов, освоения новых шахт, радикального изменения организации производства и капитального ремонта всего строительства шахт. Если ко всем этим условиям прибавить седьмое: создание для рабочих нормальных условий труда и бытовой жизни, то вопрос рационализации добычи в Донбассе был бы решен в соответствующем объеме.

Но мнение комиссии специалистов не вызвало достаточного внимания, а так как это совпало с началом нового увлечения, то вся энергия начальства была направлена, не столько на устранение объективных препятствий к поднятию производительности, сколько на меры интенсифицирующие труд рабочих и подымающие нормы их выработки. Было бы неправильно игнорировать, как это делает сейчас советская печать по соображениям агитации, что в Донбассе стахановщина дала некоторые положительные результаты по поднятию выработки. Добыча поднялась по двум причинам: во-первых, метод Стаханова в угольной промышленности заключал несколько бесспорных рационализаторских мероприятий, например отделение труда забойщика от крепильщика, механизацию откатки и приведение ее в соответствие с добычей, обеспечение рабочих исправными механизмами и т. п. Во-вторых, повышение интенсивности труда высшими заработками имело еще некоторые резервы, которые были сильными и для массового рабочего Донбасса.

Эти обстоятельства, опираясь на рационализацию механизацию периода 1932-1934 гг., — дали некоторые подъем добычи.

Если проанализировать отчетные официальные данные, то придется сделать два вывода: с сентября по декабрь 1935 года добыча поднялась с среднесуточной 178,2 тыс. тонн до 230,5 тыс. тонн. Но на этом уровне достигнутом непосильным напряжением и штурмовщиной, выработка не удержалась, а постепенно упала до 210 тыс. тонн к марту 1936 г. И второе, если отбросить шумиху соревнования, следует учесть, что и сейчас, после естественной «отдачи», выработка Донбасса стоит на уровне, превышающем выработку первой половины 1935 г. на 20% *). Подъем весьма существенный!

Стахановщина и в Донбассе дала то, что могут дать

интенсификация труда и спешное упорядочение условий труда. Но она уперлась в пределы, определяемые объективными условиями: границами напряжения человеческих сил и необходимостью для всякой устойчивой рационализации соответствующей и предварительной организации технического и организационного аппарата всего хозяйства в целом.

Рационализация добычи предполагает одновременную рационализацию электроснабжения, механизации, внутреннего и внешнего транспорта, рабочих жилищ, системы оплаты и системы управления всего угольного хозяйства и каждой шахты в отдельности.

Было бы гораздо полезнее, если бы центральные власти, вместо того, чтобы искать «вредителей и саботажников», обратили внимание на ряд весьма объективных обстоятельств. За месяцы стахановщины разбросанность рабочих мест увеличилась за счет их нагрузки. Число исправных врубовых машин и отбойных молотков вновь упало до 70-72% имеющихся. Механизация откатки стоит все еще на уровне 48-50%, при 79-80 проц. механизации добычи. Подземные откаточные пути запущены. Планово-предупредительный ремонт превратился в фикцию. Норма жилой площади в Донбассе не превышает 2,3 кв. метра на живущего. Во многих общежитиях нет столов, стульев, постельного белья. Питание в столовых Донбасса в большинстве случаев скудно и однообразно. Охрана труда под землей и на поверхности не удовлетворяет самым минимальным требованиям. Новые нормы выработки введены, а реальная зарплата, из-за уровня цен, сложившихся на открытом рынке, для рядовых рабочих фактически снижена. И т. п.

Но именно, поэтому, мы считаем нужным на Донбассовском примере показать пределы возможностей стахановщины, и отрицательные стороны этого примитивного «скифского» метода рационализации.

Большевистская печать сосредоточила сейчас огонь своих статей на Донбассе, чтобы вновь стимули-

ровать рекордную добычу и в Донбассе и во всей стране.

И в Донбассе, как и в других местах, стахановщина дала некоторые непосредственные успехи по поднятию продукции. Но эти успехи достигнуты не планомерной работой, не рационализацией всего строя работы, и поэтому, они не обеспечивают устойчивого уровня, поэтому, они чередуют максимумы и минимумы выработки. Поскольку стахановщина ограничивается лишь поверхностным упорядочиванием работы лишь на ударном фронте, а главное внимание устремляет на интенсификацию труда, она хищнически растрачивает силу рабочих и неизбежно обречена на срыв.

Кроме того, применяя методы «штурмовщины», она срывает нормальный строй работы, создает диспропорции в элементах производства и этим предопределяет неустойчивый характер своих успехов по поднятию производства.

Конечно, возможности диктатуры громадны и способности ее сломить сопротивление и принудить к чрезмерному напряжению — очень велики.

Но все же экономика показала, что ее законы часто оказываются сильнее сталинских велений. Она уже не раз заставляла большевиков отступать. Им, как известно, пришлось пойти на уступки крестьянству. И в области индустрии им пришлось отказаться от первого проекта плана второй пятилетки, который, напр., предполагая дать чугуна в 1934 году 17 млн. тонн, а был вынужден ограничиться лишь планом в 10 млн. Им пришлось, по очень многим пунктам, спуститься до уровня, намеченного специалистами, которых они в свое время судили, как вредителей и «минималистов».

Мы думаем, что и в стахановщине советской власти в ближайшее время придется многое пересмотреть в методах, многое изменить в планах.

Донбасс — один из первых уроков на этом пути.

Донбасс дал уже за истекшие месяцы максимум того, что можно было дать мобилизацией наличных средств и напряжением человеческой энергии.

Для того, чтобы Донбасс мог дать новый и устойчивый подъем надо предварительно рационализировать и организацию производства и условия труда.

А. Югов.

*) Добыча угля по всему СССР поднялась в январе 1936 г. за год на 33,2%, а за период стахановщины на 25,8%. При этом в декабре 1935 г., также был максимум выработки, а затем произошло некоторое снижение. «Штурмовщина», а затем «отдача»!

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

Объединительное движение и русская проблема.

Даже энтузиасты и оптимисты форсированного движения к единству вынуждены открыто признать, что в последнее время это движение начинает замедляться в своем темпе и сокращаться в своем размахе. Надежды и иллюзии начального периода движения сменяются раздумчивыми поисками объективных причин и субъективных виновников наблюдаемой заминки, в которой однако все явственнее проступают черты глубокого кризиса всего объединительного движения.

Я не принадлежал к числу энтузиастов форсированного единства. Не потому, что потребность в преодолении губительного раскола в мировом рабочем движении представлялась мне менее насущной, чем, напр., Бауэру и Дану. Для всякого социалиста жгучая необходимость усиления обороноспособности и боеспособности пролетариата путем восстановления его политического и профессионального единства вне спора. Но, как я писал в одной из своих дискуссионных статей на тему о единстве («С. В.» № 1 за 1935 г.), «историческая потребность и даже необходимость, увы, не означает еще исторической возможности». Форсировать объединительные попытки, игнорируя отсутствие необходимых предпосылок для прочного единства или не замечая объективных трудностей на его пути, еще не значит наилучшим образом служить делу преодоления раскола.

Кризис объединительного движения совершается одновременно как в плане экстенсивного, так и в плане интенсивного его развития. Движение единого фронта не приняло универсальных размеров, — вопреки ожиданиям сторонников теории универсального фашизма, как адекватной поли-

тической формы капитализма в эпоху его упадка. Эта теория, возводящая одну из тенденций послевоенного общественного развития в универсальный закон, неспособна объяснить эмпирический факт остановки стремительной волны фашизма у границ ряда капиталистических государств с прочно укоренившимися демократическими учреждениями и традициями. Поскольку движение единства являлось в последние три года прежде и больше всего непосредственной реакцией на разлив фашистской волны, замедление и остановка этой волны у границ демократических государств естественно ослабили и пространственный размах движения в единству. Появление более или менее сильных ростков фашистского движения в этих странах старой демократии (Англия, Бельгия, Голландия, скандинавские страны) вызвало у социалистического пролетариата лишь еще большее отталкивание от всякой диктатуры и укрепило в нем приверженность к демократической основе своего освободительного движения. В отклонении массовыми социалистическими партиями этих стран коммунистических предложений единого фронта сказываются поэтому не только мотивы национально-государственного порядка, но и соображения тактического характера: невыгоды от единого фронта с коммунистами, представляющими притом в этих странах ничтожную величину, слишком уж перевешивают проблематические выгоды. В борьбе за средние классы, эту главную опору фашизма, союз с коммунистами, стремящимися перенести в Зап. Европу методы «социалистического» эксперимента Сов. России, характеризующиеся уничтожением средних классов, едва ли может сулить политические выгоды с точки зрения консолидации демократического режима. Надо признать, что социалистиче-

ские партии указанных стран в общем и целом успешно справились с задачей защиты принципов свободы и демократии в наиболее острый момент, когда эти предпосылки всякого движения к социализму были поколеблены в сознании международного пролетариата, как под влиянием оглушительно-поражения демократии в Центральной Европе, так и под влиянием идейной капитуляции изрядного числа социалистов перед диктаторской идеологией большевизма. Ошибка этих «реформистских» массовых партий заключается, на мой взгляд, в их национально-государственной ограниченности, заставляющей их противиться всяким попыткам открытого обсуждения проблемы единства, как **проблемы международного**, на совещаниях обоих интернационалов.

Но кризис объединительного движения сказывается и в плане его **интенсивного** развития. Единый фронт повсюду, где он осуществлялся, мыслился социалистами, как **переходный этап** к полному, органическому единству. Попытки форсировать переход от единого фронта к органическому единству мы наблюдали в нелегальных партиях, действующих в странах фашизма. Но до последнего времени они носили бесплодный характер, главным образом, ввиду склонности коммунистов рассматривать объединение с социалистическими группами подполья, как поглощение их. В сущности, единственная серьезная попытка от единого фронта перейти к органическому единству имеет место во Франции, где дело идет об объединении двух массовых рабочих партий, действующих в обстановке широкой демократии, но вынужденных считаться с серьезной фашистской угрозой.

Французский эксперимент единства.

Французские социалисты еще задолго до победы фашизма в Германии и появления фашистской угрозы во Франции ставили в порядок дня проблему единства, разрешение которой они считали вполне возможным ввиду наличия «общности социального базиса и конечной цели» у коммунизма и у социализма. Форсированный откол правого крыла партии должен был расчистить путь для объединительных попыток. Но практически возможность осуществления единого фронта была создана лишь после фашистского путча 6 февраля 1934 года под давлением рабочих масс и особенно в связи с тактическим поворотом Коминтерна. Та самая тактика создания «народного фронта», т. е. союза с радикал-социалистами, развивавшая широкого народного движения в стране вокруг «плана» борьбы с кризисом и лаворота лицом к нации, которая была партией отвергнута, когда ее предлагало правое крыло, возглавлявшееся Реноделем, стала приемлемой основой сближения, когда ее усвоили и начали с усердием неофитов проводить коммунисты, частью под давлением рабочих масс, встревоженных фашистским путчем 6 февраля, частью по приказу Москвы, вынужденной искать во французской демократии военной опоры против наступательных планов фашистской Германии.

Единый фронт политически оправдал себя во Франции, но лишь поскольку он явился **переходным этапом к народному фронту**, а не к **органическому единству** *). В то время, как для социалистов центр тяжести лежал и продолжает лежать в восстановлении политического единства пролетариата, для коммунистов центральной задачей является возможно более широкое объединение антифашистских элементов в **народном фронте**. Отсюда странный парадокс: в интересах форсирования органического единства французские социалисты стали, по крайней мере в теории, сдавать позиции свободы и демократии и переходить на позиции диктатуры как раз тогда, когда коммунисты, озабоченные созданием и расширением народного фронта в целях внутри- и внешне-политических, стали, пусть неискренно и лицемерно, переходить на позиции свободы и демократии, а главное — поворачиваться лицом к родине, к нации, к народности. Вот почему коммунисты, повышая в комиссии по объединению свою теоретическую непримиримость и требовательность при выработке программы объединенной партии, проявляли одновременно предельный, вернее, беспредельный оппортунизм и минимализм при формулировании платформы народного фронта.

Одновременный поворот коммунистов к нации, к родине и к народности как во Франции, так и в Советской России объясняется не только рабской — до смешного — подражательностью французских коммунистов, но и одинаковостью внешне-политической установки, общностью военной угрозы, нависшей над обеими странами. Рецепция коммунистами военной-революционной и патриотической традиции якобинства, освещающая известный ответ Сталина Лавалю, несомненно в большей степени сыграла роль **цемента** при создании народ-

ного фронта, чем лицемерное воскрешение свободолобивых и демократических принципов великой французской революции. Именно поворот коммунистов к нации и к патриотизму, доходящий до проповеди «национального примирения», облегчил включение в «Народный фронт» радикал-социалистов, этой ведущей партии средних классов города и деревни. Если фашизм в пору острого хозяйственного кризиса вырвал демагогически из рук рабочих партий оружие **антикапитализма**, то теперь коммунизм пытается вырвать у фашистов оружие **национализма**. Этот маневр, идущий навстречу настроениям не только средних классов, но и широких кругов пролетариата во Франции, является началом массово-психологической подготовки к возможной войне.

Национальный момент послужил, как мы видим, прочной спайкой для социально и политически разношерстного «народного фронта», но он не мог послужить спайкой для органического объединения социалистов и коммунистов. Чувствуя, что патриотическая трансформация — или, вернее, мимикрия — коммунистов в соединении с их социально-экономическим оппортунизмом обеспечивает им захват руководства в движении народного фронта, французские социалисты с своей стороны всемерно пытались форсировать переход от единого фронта к органическому единству. Но тут-то и обнаружилось, что поворот коммунистов к свободе и демократии, как и их поворот к нации, к патриотизму, к народности, это не столько **эволюция**, сколько **маневр**, что и единый фронт они продолжают понимать, как часть общего обходного маневра, должствующего обеспечить им руководство в рабочем классе и в народном фронте, а через это — облегчить им овладение политической властью. Переход от единого фронта к органическому единству наткнулся на огромные трудности, только осложненные, но не созданные новейшими попытками Коминтерна «разъяснить» свой тактический поворот на VI-ом конгрессе в духе старого зиновьевского маневра единого фронта.

Идеологические и организационные препятствия.

Эти трудности, вызвавшие не «заминку» только, как полагают тов. Дан, а глубокий кризис движения к единству, вскрылись особенно ярко в ходе затянувшихся переговоров в комиссии по объединению, образованной из представителей рабочих партий Франции. Трудности эти двоякого рода: программные и организационные.

Вопрос об идейно-политической и организационной основе объединения имеет первостепенное **международное значение**, в нем нет ничего специфически французского, кроме опасной готовности французских социалистов, освободившихся от умеряющего влияния своего правого крыла, идти на далеко идущие уступки идеологическим и организационным концепциям большевизма. И хотя французские социалисты, вложившие в понятие интересов форсирования единства, сознательно стараются в переговорах об объединении **элиминировать русскую проблему**, все разногласия и все трудности, вскрывшиеся в ходе долгих переговоров, упираются в конце концов на эту именно проблему, в этот подлинный **вопрос вопросов**.

В ходе переговоров выяснилось с полной очевидностью, что для коммунистов, действующих под диктовку Москвы, проблема объединения решается в плане **идейно-политическом** — капитуляцией социалистов перед большевистской концепцией диктатуры пролетариата, как диктатуры коммунистической партии, а в плане **организационном** — поглощением социалистической партии и подчинением объединенной партии военной-иерархической субординации с исключением всякой свободной идейной борьбы внутри партии. Леон Блюм от имени своей партии заявил публично, что на **поглощение** социалистической партии не пойдет, что объединение может иметь место лишь в форме **сплава**, в котором обе партии перестают существовать, слившись в органически **новом** единстве идеологическом и организационном. При таком расхождении в самом подходе к проблеме объединения перспективы органического единства надо признать не очень то благоприятными.

Тов. Дан в своих последних фельетонах на тему о единстве («С. В.» № № 4 и 5) с прискорбием говорит об «идейно-политическом консерватизме» на обоих флангах, как препятствии к идейно-политическому «сплаву», образование которого представляется ему исторически назревшим, возможным и необходимым. Идейно-политический консерватизм в нашей критическую эпоху может, что и говорить, оказаться тормозом движения, но лишь поскольку он распространяется на конкретную стратегию и тактику партии, на методы действия, на анализ соотношения сил и на формулировку ближайших целей борьбы, словом, на «переменные величины» идейно-политического фонда партии. Но нельзя назвать идейно-политическим консерватизмом верность **основным принципам** партией составляющим *raison d'être* ее существования, ее железный фонд. Здоровый идейно-политический консерватизм в отно-

*) Единый фронт облегчил, правда, объединение профсоюз. Но, как правильно отметил тов. Абрамович в прошлом номере «С. В.», условия профсоюзного слияния принципиально отличны от условий политического объединения.

шении **первооснов** социалистического движения во всяком случае предпочтительнее импрессионизма, пассующего перед очередным поветрием...

Не разделяю я и веры тов. Дана в возможность образования социально-коммунистического «сплава», в создание некоей новой, **третьей** идеологии на место двух «обанкротившихся», социалдемократической и коммунистической. Эту попытку возрождения венского «синтеза» я подверг в свое время критическому разбору в статье «Об идейно-политических предпосылках единства» («С. В.» № 21 за 1934 г.). Возможно, конечно, найти каучуковые формулировки, дающие возможность **словесно** преодолеть непримиримое противоречие между демократическим и авторитарным методами построения социалистического общества. Но на деле это коренное, непримиримое расхождение неизбежно разорвет тонкое брюшко селеское кружево словесных формулировок, — даже если формальное объединение двух партий станет фактом завтрашнего дня.

Оптимизм Бауэра (см. его статью в «Кампф» № 1 за 1936 год) насчет возможности нерасторжимого «сплава» основывается не на вере в чудодейственную силу компромиссных формулировок в новой «хартии» объединенной партии, а на силе событий, на объективный ход развития, который-де даст этим формулировкам то или иное толкование, наполнит их тем или иным содержанием. Разумеется, один шаг действительного движения к единству дороже дюжины программ. Но и опасаясь, что идейно-политическая нестойкость социалистов приведет в данном случае к тому самому **поглощению** социалистической партии коммунистической, которого опасается и как будто решительно не хочет Леон Блюм, как не хочет его и тов. Дан. В плане международного идейно-политического покладистости, рекомендуемая Бауэром, непременно приведет не к приближению, а к отдалению всеми чаемого преодоления раскола, ибо почти автоматически вызовет откол так наз. «реформистских» массовых партий пролетариата.

Французские социалисты пошли в переговорах с коммунистами на признание диктатуры пролетариата, как обязательной переходной политической формы от капитализма к социализму, тем более легко, что эта формула находилась уже и раньше в их идеологическом инвентаре, в старых партийных документах. Но они не учли, что формулы, как и книги, имеют свою судьбу. После исторического опыта большевистской диктатуры старая Марксова формула, содержащаяся и в нашей партийной программе 1903 года, наполнялась конкретным историческим содержанием, лишавшим социалистов возможности оперировать ею попрежнему. Это доказали, в сущности, и переговоры между французскими социалистами и коммунистами. Социалисты пытались согласить несогласимое, дав «диктатуре пролетариата» истолкование, во-первых, как **переходной** власти, во-вторых, как власти **большинства**, способной сломить сопротивление буржуазного меньшинства, и, в-третьих, как режима **трудокрации**, не только не подавляющего самодетельности и свободы трудящихся, но, наоборот, в невиданной степени расширяющей ремки и возможности **демократии для трудящихся**. Такое толкование диктатуры пролетариата в качестве словесной формулы не очень противоречит **букве** ленинского «учения о государстве», но оно решительно противоречит духу и практике большевизма, как показал почти двадцатилетний опыт большевистской «диктатуры пролетариата» в России. И если французские коммунисты с таким упорством настаивают на неприменном принятии социалистами **советской** формы диктатуры пролетариата для Франции, хотя в самой России они сейчас эту форму как раз ликвидируют и заменяют навек отвергнутой Лениным «формальной демократией», то только потому, что советская форма оправдала себя в России не как форма пролетарского государства, но как самая удобная ширма для партийной диктатуры и для господства «революционного меньшинства» над пролетариатом.

С этим связано настойчивое требование коммунистов о безоговорочном признании русской революции, как революции социалистической, и Советской России, как пролетарского государства. Такое безоговорочное признание означало бы отказ социалистов от всякой критики большевистской политики во всех ее кривоколенных изгибах, отказ от критики «социалистического» строительства, его методов и его результатов, т. е., по существу — отказ французских социалистов от свободной оценки и свободного выбора политических и экономических методов построения социалистического общества в случае овладения властью. Это требование коммунистов есть как бы предвосхищение будущей идейной несвободы как внутри объединенной партии, так и в будущем государстве, которое собирается возглавить объединенная партия.

Отсюда один шаг до непримиримых разногласий в **организационном** вопросе. Обе стороны формально разделяют, признают принцип демократического централизма. Но для социалистов этот партийный режим означает внутреннюю демократию и свободу идейной борьбы, тогда как для коммунистов,

понимающих демократический централизм по Ленину-Сталину, дело идет о военно-иерархической субординации и о теократическом конформизме, т. е. об обязательном единомыслии с партийным центром при беспощадном отсекевании всех уклонов. Опять-таки, и тут можно, конечно, найти «синтетическую» словесную формулу, своего рода синтетический каучук, но тут нет реальной основы для металлического «сплава», как это признает и тов. Дан. Французские социалисты едва-ли пойдут на такого рода «сплав», при котором свобода идейной борьбы внутри партии будет исключена, — если даже они и согласятся беспринципно на ограничение свободы идейной борьбы и политических группировок в Советской Франции будущего. А если и пойдут, то ценой неизбежных расколов в настоящем и в будущем.

Проблема единства — проблема России.

В плане международном форсированный переход во Францию от единого фронта к единству ценой сдачи основных идейно-политических и организационных позиций демократического социализма означал бы угрозу тому реальному, хоть и неполному, единству, которое с таким трудом было осуществлено на объединительном конгрессе в Гамбурге в 1923 г. Вопрос международной **аффилиации** это ведь не тактический только вопрос. Бауэр предлагает очень простое решение: объединенная французская партия выходит из обоих интернационалов, но, поддерживая самые тесные отношения с обоими, стараясь играть роль «моста». Но правильнее ожидать, что объединенная партия будет на деле играть роль не **моста** между двумя интернационалами, а **клина**, вбиваемого Москвой в наш Интернационал.

Ибо не следует забывать, что в плане международном сразу вскрывается то, что скрыто — особенно, для нежелающих видеть — в плане национальном: идейная и организационная зависимость коммунистических рабочих партий Запада от большевистской диктатуры. И сейчас целиком соответствует действительности то, что писал П. Б. Аксельрод в 1922 г., во время памятной попытки объединения трех интернационалов на конференции в Берлине: «Деспотическое правительство Советской России в то же время и неограниченный властелин III Интернационала: по его приказу компартии Запада принимают или отвергают тактику единого фронта с социалистами. Вследствие этого вопрос о едином фронте с III Интернационалом превращается в вопрос объединения социалистов с **правительством**, которое в своей стране безжалостно преследует свободу, демократию и социалистическую мысль». Движение единства не может быть только **функцией внешне-политической заинтересованности** советского правительства в сближении компартий Запада с социалистами под знаком защиты Советского Союза и анти-фашистской мобилизации средних классов для предупреждения победы буржуазной реакции в тех странах, на которые СССР может рассчитывать на случай войны с Германией. Для пролетарского единства необходима более прочная основа — и прежде всего необходима **ясность**, т. е. нужно ясное представление о том, **что происходит** в ведущей стране коммунистического интернационала, в Советской России, и ясное понимание теснейшей зависимости проблематики единства от проблематики русской революции.

И тут жизнь возвращает нас к аксельродовской идее **социалистической интервенции**. Идея эта заключалась в том, что международный социалистический пролетариат, как в собственных своих интересах, так и в интересах русского пролетариата, не может освободить себя от обязанности **разобраться** в происходящем в России и всем весом своего морально-политического влияния **воздействовать** на ход русской революции в интересах русского и международного пролетариата. Заинтересованность большевистской диктатуры в симпатиях и в поддержке международного пролетариата создает, по мнению Аксельрода, реальную почву для такого воздействия. Формой социалистической интервенции Аксельрод считал посылку в Сов. Россию авторитетной делегации социалистического интернационала, избранной в результате длительной подготовительной кампании, в которую должны были быть втянуты широкие рабочие массы. Эта делегация должна была на месте выяснить, точно-ли в Сов. России создано рабочее государство, точно-ли в Сов. России строится социализм, точно-ли большевистская практика может послужить образцом для пролетариев Запада?

Форма социалистической интервенции, которую предлагал Аксельрод, явно **устарела**. Но самая **идея** и сейчас не менее актуальна, чем в 1922 году. Когда условием единства ставится безоговорочное признание социалистического характера советской экономики и пролетарского характера советской государственности, когда политические и экономические методы русского большевизма навязываются пролетариату Запада, как будто бы единственно возможные и плодотворные методы социалистического строительства, международный

социализм не может, не должен уклоняться дальше от трудной, но неотложной задачи установления своего принципиального отношения к происходящему в России со всеми вытекающими отсюда тактическими выводами. Политика советской власти может радикально измениться, конечно, лишь под давлением самих трудящихся масс Союза. Но морально-политическое давление международного социализма может также сыграть немалую роль в борьбе за эту перемену курса.

Лишь реальные изменения во всей внутренней политике советской власти могут устранить ту двусмысленность, которая подрывает на Западе не только дело пролетарского единства, но и дело анти-фашистской мобилизации широчайших народных масс, — двусмысленность, заключающуюся в кричащем противоречии между свободолобивыми и демократическими целями анти-фашистской мобилизации масс на Западе и деспотическим характером тоталитарной большевистской диктатуры в самой России. **Задача нашей партии** — неустанно выяснять международному пролетариату неотрывную связь проблемы единства с русской проблемой, облегчать ему понимание тех сложных и противоречивых процессов, что происходят в Сов. России, и намечать те необходимые перемены в политике власти в духе действительной демократизации и свободы, раскрепощения рабочих организа-

ций и отказа от насилия над основной массой населения крестьянством, которые только и могут создать предпосылки для сближения между социалистами и коммунистами. **Проблема единства на Западе** упирается в **проблему свободы России.**

Разумеется, мы не должны вставлять палки в колеса единого фронта. Мы должны признать оправданность и плодотворность в ряде случаев совместных действий социалистов и коммунистов для отражения фашистской опасности. Но нетерпеливом желании ускорить преодоление раскола в мировом рабочем движении мы не должны даже косвенно способствовать расшатыванию идейно-политических и организационных основ нашего, и без того поколебленного разрывом ряда своих секций, интернационала, не должны перебивать в критике массовых рабочих партий, противящихся в интересах сохранения своих свободных учреждений, безпринципному «сплаву» с коммунистами, не должны мириться с «заговором молчания», который считается, напр., во Франции, условием успешности объединительных попыток. Наш лозунг должен быть: вне разрешения русской проблемы — разрешение проблемы единства!

П. Гарви.

В Социалистическом Интернационале Молодежи

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ МОЛОДЕЖИ.

31 марта — 1 апреля состоялось в Брюсселе заседание **Исполкома СИМ'а** при участии делегатов Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Голландии, Дании, Италии, России (РСДРП — тов. Сапир), Франции, Чехословакии, Швейцарии и Швеции. Присутствовали кроме того представители РСИ (Ф. Адлер), Социалистического Студенческого Интернационала и Интернационала Социалистического Воспитания.

Единогласно (при одном воздержавшемся — тов. Годфруа, Бельгия) принял Исполком резолюцию о **военной опасности**. Ее основные положения гласят:

«Со времени копенгагенского конгресса угроза войны необычайно усилилась. Больше полугодия прошло с тех пор, как Муссолини открыто напал на мирную Абиссинию. С каждым днем множатся кровавые жертвы, приносимые народами Абиссинии и Италии. Но особо угрожающим стало положение в Европе в результате внешне-политического выступления Гитлера. Аннулирование Локарнского договора, добровольно подписанного Германией, и введение войск в демилитаризованную рейнскую зону означают перенесение германским национал-социализмом в область внешней политики тех методов насилия, которые применяются им в сфере политики внутренней.

«Эти события еще раз доказывают всем, что фашизм является перманентной угрозой миру. По самой природе своей фашизм вынужден искать выхода из внутри-политических затруднений, на которые он наталкивается, в возбуждении шовинизма. Фашизм злоупотребляет ненавистью трудящихся к войне. Социалистическая молодежь является решительной противницей войны. Она готова сделать все, чтобы сохранить мир. Однако она знает, что военная опасность сможет быть уничтожена лишь тогда, когда рабочий класс овладеет властью в решающих странах и тем самым получит возможность оказывать решающее влияние на Лигу Наций. Поэтому борьба за мир неразрывно связана с борьбой за политическую власть рабочего класса.

«Чем больше капиталистические правительства держав-победительниц, отказывавшие в равноправии веймарской республике, капитулируют перед национал-социализмом, усиливая тем самым военную опасность, тем энергичнее должен рабочий класс всех стран защищать идею коллективной безопасности в борьбе против воинствующего фашизма с тем, чтобы взять в свои собственные руки руководство своим народом в борьбе за мир. На основе коллективной безопасности и организованной взаимопомощи должно быть осуществлено всеобщее, одновременное, подконтрольное разоружение».

В дальнейшем Исполком обсуждал вопрос об **отношении к Коммунистическому Интернационалу Молодежи**. Большинство Исполкома было того мнения, что со времени копенгагенского конгресса СИМ'а не произошло ничего, что дава-

ло бы основание для пересмотра принятых там решений. **Меньшинство** же Исполкома (Австрия, Бельгия, Болгария, Италия, Россия, Франция, Швейцария) полагало необходимым пойти дальше по пути, намеченному копенгагенским конгрессом СИМ'а. Ниже мы приводим полностью проект резолюции по этому вопросу, выработанный делегатами Австрии РСДРП и предложенный Исполкомом меньшинством.

Исполком уделил также внимание ряду **организационных вопросов**, поднятых делегатами Бельгии, Италии и Франции. Вопросы эти были переданы для детального изучения особой комиссии.

Проект резолюции меньшинства о 6-ом конгрессе КИМ и едином фронте.

1.

После свыше чем 12-летнего существования КИМ пришли к убеждению, что «деятельность юношеских организаций должна сводиться только к голой политике» и что «эти организации должны быть построены таким образом, чтобы отвечать желаниям и требованиям самой молодежи, — дабы **участь, самоорганизуясь и борясь** за интересы трудящихся классов, молодежь самовоспитывалась в духе борьбы за свободу и социализм — против реакции, фашизма и империалистической войны» (Резолюция 6-го Конгресса КИМ'а). КИМ требует от своих секций «полного отказа от сектантского подражания партиям» (там-же).

Исполком СИМ'а видит в этих положениях победу тех принципов, которые он всегда отстаивал, и приветствует новый поворот КИМ'а. Исполком СИМ'а констатирует кроме того удовлетворением, что 6-ой конгресс КИМ'а понял накопившееся и социалистическая молодежь стоит на анти-фашистских позициях, в равной мере заинтересована в улучшении условий жизни молодежи, в мире и свободе и борется за социализм» (там-же).

Много бед могло бы быть предотвращено в прошлом, если бы коммунистическое движение раньше усвоило себе эти простые истины и не выдвигало теории о так наз. социал-фашизме. Но, как бы то ни было, заявления 6-го конгресса КИМ'а являются принципиально важным шагом вперед по пути к преодолению раскола.

2.

К сожалению, 6-ой конгресс не довел поворот последовательно до конца. В особенности в организационной области КИМ продолжает упорно держаться за устаревшие догматы, дополняя их новыми, плохо согласующимися с провозглашенной им волей к единству. Резолюция конгресса содержит себе мысли, напоминающие о так наз. «едином фронте» социалистических союзов молодежи коммунистическим партиям и рекомендует совместные выступления в местном или национальном масштабе помимо руководящих органов социалистического движения.

Особенно сомнительным считает Исполком СИМ'а выработанный 6-м конгрессом план растворения пролетарского юношеского движения в беспартийных, совершенно неопре-

деленных юношеских организациях, с тем, чтобы — как это ясно следует из резолюции конгресса — превратить эти организации в послушное орудие большевистских партий.

3.

Исполком СИМ'а попрежнему настаивает на классовой основе и на революционно-демократическом характере социалистического движения молодежи. Проблему единства он ставит, как проблему преодоления раскола внутри пролетариата и не допускает подчинения этой задаче переходящим потребностям политики сегодняшнего дня. Столь же решительно отстаивает Исполком СИМ'а боевую связь между социалистическим юношеским движением и социалистическим движением взрослых рабочих в национальном и интернациональном масштабе.

Всякую попытку КИМ'а противопоставить социалистическое движение молодежи отдельной-ли страны или отдельной местности, или весь СИМ в целом рабочим партиям этих стран или Рабочему Социалистическому Интернационалу СИМ будет считать актом нелояльным и направленным против единства.

4.

В целях «содействия формированию социалистического общественного мнения» (из резолюции копенгагенского конгресса СИМ'а) Исполком постановляет довести до сведения РСИ о существенном повороте в тактике КИМ'а.

В тех-же целях Исполком констатирует, что осуществленное уже в отдельных странах, соответственно сложившейся в них политической ситуации, единство действий между социалистическим и коммунистическим движением дало чрезвычайно благоприятные результаты. Исполком радостно приветствует объединение профессионального движения во Франции и восторженно поздравляет испанских товарищей с их успешным наступлением на фашизм.

Исполком полагает, что для РСИ настало время вступить в сношения с Коминтерном для выяснения тех проблем, которые должны быть положены в основу единства в международном масштабе. Эта основа должна учитывать особенности стран, принадлежащих к каждому из Интернационалов.

Исполком ожидает, что совместное обсуждение актуальных вопросов, в особенности вопроса об объединенном выступлении против непосредственно грозящей военной опасности, послужит мощным толчком к осуществлению единого фронта социалистического и коммунистического движения.

В этой перспективе особое значение приобретает позиция самых мощных секций Коминтерна и КИМ'а — компартии и комсомола Советского Союза. Борьба объединенных Интернационалов за свободу, социализм и мир предполагает, что русская секция Коминтерна по меньшей мере легализует в Советском Союзе независимые организации трудящихся.

5.

Лишь после того, как РСИ или, соответственно, социалистические партии отдельных стран установят общие основы деятельности с Коминтерном и компартиями, и СИМ вступит в переговоры с КИМ'ом на предмет объединения.

ЗАГРАНИЦЕЙ

РАСПРАВА С РАБОЧЕЮ МОЛОДЕЖЬЮ В ЛАТВИИ.

В первых числах апреля в Риге состоялся первый политический процесс против десяти бывших членов союза рабочей молодежи и социалдемократической партии, которые обвинялись в нелегальном продолжении партийной работы. Кроме десяти, находящихся под стражей, обвинение было предъявлено еще к четырем лицам, которым удалось бежать за границу. Суд вынес очень суровые приговоры. Бывш. тов. председателя Союза Рабочей Молодежи Янсона суд приговорил к четырем годам каторжных работ, а остальных на срок от одного до трех лет. Каторжная работа в Латвии отбывается в каменоломнях, в очень тяжелых условиях. Большинство приговоренных несовершеннолетние юноши. В Политической Охране, в которой содержались подсудимые до суда, они были подвергнуты жестокому избиению. Все обвиняемые на суде, за двумя исключениями, держались весьма мужественно и с большим достоинством.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА АВСТРАЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

В 1931 году австралийское рабочее движение пережило раскол. От обще-австралийской партии (Федеральная Рабочая Партия), которая, с Скуллином во главе, держала в своих

руках и правительство Австралийского Союза, откололась, под названием Австралийской Рабочей Партии, партия штата Новый Южный Уэльс, во главе которой встал тогдашний министр-президент этого штата Ланг. Ланг прославился своими радикальными методами борьбы с кризисом (отказ от уплаты государственных долгов), которые отвергала обще-австралийская партия. Раскол имел своим последствием потерю рабочею партией большинства в союзном парламенте.

Теперь обе расколотые части снова соединились в Федеральную Рабочую Партию, возглавляемую Кэртином. Восстановление единства означает существенное усиление австралийского рабочего движения, рассчитывающего ныне на новую победу на предстоящих выборах в союзный парламент.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ.

Годичный отчет, представленный недавно собранию Рабочего Союза в Британской Гвиане его генеральным секретарем Губертом Кричловым, описывает деятельность организации за 1935 год и рисует те трудности, которые ей приходилось преодолевать.

Рабочий Союз Британской Гвианы является организацией цветных рабочих этой южно-американской колонии. Эта организация действует и на профессиональном, и на политическом поприще, и хотя она насчитывает лишь несколько сот членов, ей удается высоко держать знамя рабочего класса и добиваться улучшения положения цветных рабочих. Вопреки величайшим трудностям, организации удалось благополучно пережить годы кризиса и недавно отпраздновать семнадцатый год своего рождения.

В течение 1935 года был предпринят ряд шагов, чтобы обратить внимание властей на положение рабочих в колонии. Специальная делегация Союза была послана к секретарю правительства по вопросу о положении безработных женщин. Вопрос об изданном правительством в 1933 году запрещении рабочих манифестаций был вынесен на обсуждение законодательного совета, и вскоре после этого запрещение было отменено.

Союз воспользовался прибытием в колонию нового губернатора, чтобы послать к нему делегацию и потребовать от него внесения или поддержки новых социально-политических законов, в том числе закона о минимальной заработной плате, закона о страховании от безработицы, о пенсиях старикам, о повышении школьного возраста, о всеобщем избирательном праве и о страховании на случай болезни. Закон о несчастных случаях на работе вошел в силу с первого октября. Выдвинутые на майском празднестве требования были вручены губернатору и подвезены затем обсуждению в совещании правительства с представителями Союза.

Само собою разумеется, что события в Абиссинии служат предметом пристального внимания Союза. В течение года состоялось несколько манифестаций протеста против нападения фашистской Италии на Абиссинию.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Боязнь войны. — Ослабление пораженческих настроений. — Попытки замирения с населением. — «Сезды и слеты». — Настроения крестьянства. — Надежды на углубление новой политики в деревне.

Опасность войны начинает все более ощущаться широкими слоями населения. Интересно отметить, что, по мере усиления этой опасности, все более уменьшается число пораженцев. Мероприятия по завоеванию симпатий населения, систематически проводимые властью, дают довольно быстро свои плоды. Как ни критически относиться к «сездам и слетам» тщательно подобранных групп населения, все же надо признать, что они действительно расширили базу советской власти. Эти кампании, проводимые в таких грандиозных масштабах, укрепили и международные связи различных народностей Сов. Союза и выявили весьма устойчивый костяк для советской власти.

Особое внимание советская власть уделила наиболее пострадавшим от коллективизации элементам: казачеству и населению окраин. Оборонное устремление этой политики ясно даже политически малопрозорливым. Понимают это и массы. Но поскольку вся эта политика отражается на экономике и в некоторой степени и на внутренней политике, она встречает известную поддержку среди населения в первую очередь среди крестьянства.

Но нужно, однако, понимать неизбежные последствия этой политики. Материально подымающееся крестьянство уже ей.

час в отдельных случаях требует больших прав, пока еще только в области экономики...

Уже сейчас ряд колхозов и так наз. стахановцев заявляют властям о назревшей необходимости стимулирования крестьян путем предоставления им возможности развернуть личную инициативу в своих **усадебных хозяйствах**. Seriously ставится вопрос о развитии **кустарных промыслов** и потребительской кооперации на базе допущения проявления самостоятельности зажиточных слоев деревни.

Лица, побывавшие в деревнях, рассказывают о царящих там **новых настроениях**. Ударники, стахановцы, орденоносцы и просто наиболее работоспособные крестьяне всерьез переходят на **новые рельсы**. Они не только примирились с коллективизацией, но уже готовы даже признать и преимущества этой системы хозяйства. Но вместе с тем значительная часть из них рассматривает все уступки последних лет, как **начало новой экономполитики в деревне**. По их представлению в колхозах постепенно укрепится действительное самоуправление крестьян, причем колхозникам будут предоставлены дальнейшие возможности по расширению и укреплению личного хозяйства и по свободному сбыту с.-х. продуктов.

Трудно предугадать, насколько «всерьез и надолго» будет проводиться нынешняя политика в деревне. Во всяком случае внешне-политическая обстановка сейчас такова, что нет оснований ожидать нового обратного зигзага власти.

Апрель 1936 г.

А.

ПОВОЛЖЬЕ. — На рынке продовольствия. — Острый недостаток текстиля. — Накануне нового повышения цен.

Широко оповещенное **снижение цен**, не успев развернуться, стало замирать. Значительное снижение коснулось почти исключительно продовольственных продуктов: жиры, сахар, кондитерские изделия и др. Но оно едва затронуло **промтовары**. Органы снабжения сейчас совсем прекратили отпуск товаров населению по льготным ценам, и трудящееся население от снижения цен на товары, которых и в продаже почти нет, мало выиграло. На некоторые виды товаров и видимого снижения не было. Острый дефицит **сырья** опреде-

лил недостаток текстиля, главным образом, шерсти, и обуви. На эти изделия, чтобы снизить спрос, **цены были подняты** на 10 и 15%.

Повышение цен способствует и стремлению НКФ почитать с системой **дотаций**, выдаваемых промышленности. Сейчас во всех случаях систематической дефицитности **повышаются отпускные цены**. При остром товарном голоде население покрывает и это новое повышение, хотя и тяжело пытается этот новый удар.

Конец марта 1936 г.

От редакции. — За недостатком места откладываются следующие номера статьи: 1) С. Шварца «Движение женщин»; 2) «Германская с.-д. в подполье».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень оппозиции, № 49.

Знамя России, № 4 (80).

Новая Россия, № № 3, 4.

La Révolution prolétarienne, N° 220.

Cahiers du bolchévisme, N° 6.

Prométhée, N° 212.

American Socialist Monthly, April 1936, vol. 5, Nr. 2.

Издания «Amis de la vérité sur l'URSS», Librairie

Travail:

1) *La Peine de Mort en URSS*. Textes et documents.

2) *Un témoignage: URSS*. 1935.

3) *Bilan de la Terreur en URSS* (Faits et Chiffres).

4) *Un Français Moyen en URSS* (Témoignage).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 8/4, 20/4.

Отослано: № № 8, 9.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дрейфуса), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно